

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ (обоснование подбора методик)

М.И. Витковская

Кафедра социологии

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Методическое обеспечение эмпирического социологического исследования социальной напряженности требует всестороннего системного анализа объекта, адекватной интерпретации и операционализации понятия «социальная напряженность», что позволяет определить систему его показателей, их эмпирических индикаторов.

В современной социологической практике универсальных интегральных показателей — индикаторов социальной напряженности — не выработано. В статье осуществляется попытка разработки таких индикаторов.

Ключевые слова: социальная напряженность, операционализация, индикаторы, эмпирическое социологическое исследование, социальное самочувствие, дезорганизация, неопределенность, риск.

Анализ методических аспектов эмпирических исследований позволяет заключить, что, несмотря на разнообразие исследовательских проектов изучения, исследования социальной напряженности отличаются несопоставимостью данных, полученных в разных проектах; отсутствием основных характеристик качества используемых методик (надежность и валидность); отсутствием четкости дефиниций социальной напряженности и связанных с ней явлений и процессов, что затрудняет построение операциональной модели эмпирического исследования (во многом это является следствием недостаточности теоретико-методической обоснованности исследований); низкой точностью используемых в эмпирических исследованиях измерительных шкал и, соответственно, низкой чувствительностью к изменениям социальной напряженности.

Социальная напряженность является одним из условий функционирования сверхсложных социальных систем, которые отличает нестабильность, нахождении в далеких от равновесия состояниях [1; 4; 20]. В таком неравновесном состоянии, вблизи определенных (хотя и неопределимых до опыта) критических точек — точек бифуркации — система под воздействием самых незначительных флуктуаций может резко и качественно изменить свое состояние. Нестабильность соединя-

ет разные, противоположные модели развития, делает прогнозирование невозможным. При этом в нестабильной системе сосуществуют и порядок, и его антиподы. «Вблизи точек бифуркации (критических точек) основную роль играют флуктуации и случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты» [21. С. 54]. Социальная напряженность в таких системах перманентна, она обостряется в критических областях системы, ее уровень менее выражен в более стабильных. Порядок и хаос, их постоянное противостояние — одна из фундаментальных характеристик социального мира.

Трансформационные процессы в современном обществе привели к ряду негативных последствий, каждое из которых отразилось на функционировании социальных групп, повседневной жизни каждого человека. Среди основных характеристик современности можно выделить масштабные внезапные перемены, происходящие в короткий промежуток времени, разрушение целостности основных социальных групп, утрату веры в устойчивые институционализированные образцы социального поведения, предсказуемость социальной жизни. Глобальные трансформационные процессы отражаются в сознании каждого члена общества, что выражается в утрате адаптационных механизмов, усилении чувства бессилия, незащищенности, апатии, депрессии. Современное общество характеризуется развертыванием сферы рисков, опасностей и угроз как на макро-, так и микросоциальном уровне. В обществе «тотальной небезопасности» человечество погружено в непрерывный процесс «калькулирования рисков», просчитывания ситуации возникновения опасности и ее вероятных последствий при незнании всех возможных вариантов разрешения этих ситуаций [2; 3; 6; 7; 17; 18; 25; 26]. Все это отражается на характере социальной напряженности, воздействие которой более интенсивно и разнообразно по своим последствиям.

В условиях изменения характера и интенсивности социальных трансформаций одной из наиболее значимых является проблема совершенствования и обновления методов исследований, соблюдения их адекватности относительно постоянно меняющейся реальности. В кризисном обществе теряют свою значимость модели прогноза и предсказания в целом, социальная напряженность может быть обозначена в определенных сферах, «зонах риска». Подобная сегментация, разделение социальной напряженности на зоны позволяет очертить контуры, границы, точки бифуркации.

Анализ эволюции представлений о социальной напряженности в социальной мысли позволяет обозначить наиболее часто используемые дефиниции социальной напряженности:

— «социальная напряженность представляет собой интегральный социальный феномен, формирующийся на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением, характеризующий динамику особого социального состояния части общества и функционирующий под воздействием как доминирующих тенденций развития общества, так и особых условий и обстоятельств» [13. С. 12];

— социальная напряженность — это массовый адаптационный синдром, который отражает степень физиологической, психофизиологической и социально-психологической адаптации различных социальных групп к макро- и микросоциальным изменениям;

— «социальную напряженность следует понимать как факты, события, процессы и их конфигурации, которые появляются (или распределяются) в определенной сфере социальной жизни и отношений и выражают противоположные тенденции» [10. С. 31];

— социальная напряженность — это реакция индивидов и групп «на нереализованные социально-экономические и социально-политические потребности и ожидания людей, вызывающая рост нестабильности социальных связей» [10. С. 31].

Исходя из предложенных дефиниций можно заключить, что социальная напряженность — это состояние общества в условиях обострения социальных противоречий, детерминируемых социальными, политическими и экономическими кризисами.

Можно выделить следующие характеристики социальной напряженности, так или иначе отражающиеся в исследовательских подходах и определениях этого явления [24. С. 94—98]:

— напряженность есть одна из основных характеристик социальной системы, она — результат системных противоречий;

— социальная напряженность возникает вследствие невозможности удовлетворить основные социальные потребности индивида;

— учитывая, что насытить человеческие потребности в принципе невозможно, существует определенная фоновая неудовлетворенность — напряженность;

— должен существовать порог социальной напряженности, выше которого она преобразуется в новый феномен, который может быть как конструктивен (оптимальная интеграция социальных сегментов), либо деструктивен (дальнейшее разрушение, конфронтация, распад социальных сегментов);

— реакции индивидов и групп — субъектов напряженности — на интенсивную либо длительную социальную напряженность могут носить активный (митинги, бунты, революции и т.п.) или пассивный характер (увеличении чувства бессилия, незащищенности, апатии, депрессии, а также появление «преломленных» форм массового сознания);

— степень удовлетворения своих потребностей индивид определяет сам, т.е. социальная напряженность индивидуализирована и зависит от социально-психологических и физических характеристик человека;

— социальная напряженность возникает вследствие нарушения адаптационных механизмов индивидов и групп, как противоречие между желаемым и наличествующим;

— уровень социальной напряженности — это отражение динамики изменения интегральных ее характеристик; задача социологических исследований — диагностика уровня социальной напряженности для различных социальных групп, территориальных общностей.

К методологическим принципам изучения социальной напряженности относятся принцип объективации, типологизации, системности, комплексности. *Принцип объективации* предусматривает обращение к самим фактам социальной напряженности в обществе, к их объективному содержанию, которые в своей совокупности образуют реальный объект. *Принцип типологизации* заключается в определении типических социальных объектов и унификации концептуальных

схем исследования социальной напряженности. Системное рассмотрение феномена социальной напряженности обеспечивает возможность интеграции различных подходов, предполагает нахождение ответа на вопрос о применимости полученного знания. Речь идет о том, что в рамках определенных парадигм выявляются исследовательские модели, методические разработки, которые и служат мостиком между теоретической и эмпирической областями социологического знания и обеспечивают интегральность характеристик исследуемого объекта. *Принцип комплексности* отражается в методическом и инструментальном аспектах эмпирического исследования: в исследовании необходимо учитывать все основные показатели социальной напряженности (статистические, демографические, психологические, социологические и т.п.), что диктует комплексное использование арсенала методов социальных наук.

Таким образом, метод изучения социальной напряженности основывается на выявлении объективных характеристик сегментов напряженности, обобщенных социально-психологических характеристик сегментов, а также субъективных характеристик (оценок) своего положения в социальной среде (степень удовлетворения потребностей индивидов и групп). В социологической практике эмпирических исследований социальной напряженности выделяются следующие ее показатели: общественно-поведенческие, общественно-эмоциональные, общественно-дезинтегративные показатели и показатели снижения жизнеспособности социальных структур [22].

Уровень социальной напряженности является показателем уровня интеграции индивидов и групп в обществе. Осуществляемые в российском обществе социально-экономические трансформации привели к кризису всего общества, деформации общественной жизни. Кризис усиливается в силу глобализационных изменений всей мировой системы. Конгломерат травматических явлений отразился как запредельное нервное напряжение жителей страны, привел к утрате «горизонтов происходящего», дезориентации и дезадаптации, возникновению «преломленных» форм массового сознания, таких как негативная идентичность, парадоксальное сознание, расколотое сознание и т.п. [4; 11; 9; 15; 16].

Рост дезорганизации в обществе приводит к возникновению и развитию конструктивной напряженности личности и сообщества, возникновению чувства гнева, страха и ужаса, которые имеют массовый характер, охватывают значительные группы людей. «Преломленные» формы массового сознания особенно ярко проявились в современной России, в которой трансформационные процессы осуществляются в том числе и с помощью «шоковой терапии», последствия которой носят негативный характер.

В странах Запада кризис нарастал постепенно, он констатировался на протяжении всего XX в. Постепенность нарастания давала время приспособиться к нему, что не только позволило сохранить правовую и политическую структуры общества, но и сам кризис институализировался. Хаотические элементы стали основным принципом деятельности многообразных институтов, чья функция состоит в аккумуляции, регуляции и контроле рисков: биржи, банки, страховые учреждения, игорный бизнес, экспертные органы и органы надзора за рисками и т.п. [4. С. 47—53]. В России кризис в довольно короткий срок разрушил суще-

ствующую систему. Степень и скорость нарастания деструктивных изменений были таковы, что минимизировать и тем более предотвратить масштабные следствия этого оказалось крайне проблематичным.

Психологическое напряжение, вызванное шокирующими изменениями среды, приводит к утрате «горизонта происходящего», в рамках которого должны интерпретироваться те или иные значимые для общества события, нарушает (а в некоторых случаях и упраздняет) связи между личными проектами и тем социальным пространством, в котором они должны осуществляться. Это вызывает дезориентацию и дезадаптацию населения. П. Бергер и Т. Лукман предложили назвать подобное (гипотетическое для них) состояние как «мир сошел с ума». Свойственная современности неопределенность и непредсказуемость усиливает это состояние. «Естественно, такое всемирное сумасшествие будет острее протекать на фоне „сопутствующих заболеваний“» [4. С. 87]. Все это вызывает предельное нервное напряжение (стресс, шок), преодоление которого возможно за счет двух основных типов реакций: 1) активной реакции, или борьбы, и 2) пассивной реакции, или бегства от трудности, либо готовностью терпеть. Если же обе эти реакции по тем или иным причинам невозможны либо оказываются неэффективны, перенапряжение влечет всплески деструктивных форм поведения — агрессию и панику либо апатию.

Изменение общественного сознания и проявление его кризисных форм в конце XX в. в России, как отмечают многие исследователи, многообразно, и многообразны его определения: «парадоксальное сознание», «кризисное сознание», «расколотое (разорванное) сознание», «маргинальное сознание», «катастрофическое сознание», «утопическое сознание» и т.п. Каждое из них подчеркивает критичность и патологичность современного общественного сознания, которое подтверждается данными массовых опросов о социальном самочувствии.

Проанализировав различные данные о динамике здоровья россиян в 1991—1996 гг. (25 социальных параметров, таких как обеспеченность врачами, уровень производства и др.), И.А. Гундаров пришел к выводу, что эти явления вызваны не экономическими, а социально-психологическими факторами. Обобщив данные по разным странам, он сформулировал «закон духовной детерминации здоровья»: динамика здоровья населения на 84% зависит от духовного состояния общества (параметры агрессивности, безысходности, в том числе выражающейся в панических реакциях), и лишь на 16% от всех остальных факторов [12. С. 58—65].

Социальное самочувствие во многом определяет эффективность реализации адаптационных стратегий населения страны. Одним из показателей эффективности адаптационных процессов населения России может выступать социальная фрустрация (внутренняя эмоциональная напряженность, угнетенность, чувство страха, одиночества и др.) как индикатор реакции на сложившиеся условия жизни. Именно социальная фрустрация является показателем индивидуальных и групповых рисков населения страны. Чем менее подвержено население фрустрационным процессам, тем более успешно оно приспосабливается к новым условиям [5].

По мнению Л.Е. Кесельмана и М.Г. Мацкевича [16], адаптационные механизмы населения разворачиваются в двух основных направлениях: 1) происходит

адаптация различных социальных групп (и составляющих их индивидов) к изменяющимся социальным условиям жизни (в первую очередь, материальным и экономическим), поддающаяся наблюдения и анализа, и 2) трансформация ценностно-нормативного пространства, непосредственный анализ которого затруднен. Первое направление адаптационных механизмов предполагает ориентацию на удержание и развитие достигнутого уровня жизни, а второе — на освоение норм, адекватных новым социальным обстоятельствам. В ценностно-нормативной адаптации самым важным является интернализация ценностных приоритетов и общей системы мироотношения, которые должны обеспечивать индивиду эффективную реализацию собственных жизненных программ в изменившихся социальных обстоятельствах. Успешность адаптации к социальным изменениям зависит от уровня оптимизма каждого члена общества, а совокупный потенциал оптимизма в условиях социальных трансформаций детерминирует необратимость происходящих изменений. Индикаторами оптимизма-пессимизма выступают оценки отношения к ситуациям «сейчас» и ожидаемого будущего. Как свидетельствуют результаты исследований, количество индивидуальных оптимистов в нашей стране в период с 1992 по 2000 гг. сократилось. Аналогичные результаты получены и в общероссийских опросах крупных российских социологических компаний, например ВЦИОМа и ФОМа [16].

Таким образом, социальная напряженность отражается на социальном самочувствии индивидов и групп, обусловлена личностными и групповыми адаптационными механизмами и социальным настроением, что и определяет поведение сегментов социального напряжения.

Ведущими характеристиками социальной напряженности являются:

— «источники ее происхождения, ведущее место среди которых занимают экономические, политические, культурные, социальные факторы» [13. С. 20];

— «сферы проявления социальной напряженности и уровень проявления (социальные группы)» [13. С. 20];

— территориальная распространенность и выраженность напряженности в различных социальных группах.

Среди основных признаков, индикаторных форм социальной напряженности выделяются:

— объективные характеристики: снижение уровня доходов и качества жизни, сокращение продолжительности жизни, снижение уровня естественного прироста населения, рост заболеваемости, рост безработицы, рост числа разводов, сокращение числа браков, рост преступности и других форм девиации;

— субъективный уровень социального самочувствия и качества жизни социальных групп.

Признаковое пространство социальной напряженности совпадает с конструктами, рассматриваемыми в рамках изучения социального самочувствия, социального настроения, катастрофизма и социальных рисков, качества жизни, что позволяет сделать вывод об адекватности комплексного использования методик изучения социального самочувствия, социального настроения, страхов и рисков для диагностики социальной напряженности. Эти методики некоторые социологи разделяют, другие предлагают их сочетать в рамках одного проблемного поля —

комплексного изучения социального самочувствия (в наиболее широкой его трактовке, как уровня социального благосостояния), что является более эффективным для диагностики социальной напряженности. Как было отмечено ранее, универсальной схемы изучения социального самочувствия, предложенной отечественными авторами и успешно адаптированной к условиям трансформирующейся социальной системы, пока не выработано, тем не менее накоплен обширный (несмотря на некоторую разрозненность) методический и эмпирический материал.

В отечественной социологии проблемное поле социального самочувствия разрабатывается с середины 1980-х гг. Примерно с конца 1980-х — начала 1990-х гг. начинают проводиться мониторинговые исследования социального самочувствия и качества жизни отдельных слоев населения и российского общества в целом. Несмотря на широкое распространение исследований социальной напряженности, социального самочувствия, качества жизни, благосостояния населения и т.п., ни одна из этих категорий не получила должной эмпирической операционализации, что во многом связано с их междисциплинарным статусом и пересечением проблемных областей, категорий исследования. Категориальный аппарат исследований этих феноменов только складывается, как и основные способы получения и применения эмпирического материала в научных и практических целях. Так, с момента появления термина «социальное самочувствие» в российской (тогда еще советской) социологии он довольно часто использовался «интуитивно и метафорически — без серьезной теоретической и методологической базы» [19]. С другой стороны, поскольку этот термин пришел в социологию из психологии, его часто связывали с понятием чувства. В то же время бытовая трактовка «самочувствия» сводит его главным образом к характеристикам физического и эмоционального состояния человека. В связи с этим встает вопрос об эмпирической интерпретации понятия «социального самочувствия» в социологическом исследовании и разведении предметных областей исследований субъективного самочувствия, качества жизни и социальной напряженности.

Несмотря на актуализацию проблем самочувствия в его социальном аспекте и имеющиеся предпосылки для его изучения, данная проблема, как и связанная с ней проблема социального напряжения, по-прежнему слабо разработана на теоретическом и на эмпирическом уровне. Эмпирические исследования данного феномена стали проводиться с 1980-х гг. В это же время появляются теоретические работы, посвященные данной теме. Большинство из этих работ выполнены в рамках концепции образа жизни. В них жизненная ситуация индивида рассматривалась не только с точки зрения объективных параметров, но и включая субъективные оценки индивида. В данном случае упор делался на изучение эмоций, чувств, настроений как структурных единиц социального самочувствия. Это привело к тому, что рациональный аспект исследования проблемы был вытеснен эмоциональным.

С 1990-х гг. в связи с расцветом эмпирических исследований началось активное использование данного термина. Основная проблема на этом этапе состояла в его некотором «однобоком» использовании. Имеется в виду то, что многие исследователи делали упор на одну или две характеристики социального самочув-

вия (экономическое благосостояние, субъективная эмоциональная оценка, адаптивность или способность к решению тех или иных проблем), но не учитывали комплексность данного феномена.

Параллельно с Россией термин «социальное самочувствие» получал распространение за рубежом. Его английский эквивалент — subjective well-being. Особого внимания заслуживает значение этого термина в английском языке: well-being можно перевести как благополучие (общее), благосостояние (материальное) или здоровье (физическое), т.е. он вбирает в себя сразу несколько аспектов жизни человека, причем по умолчанию подразумевает положительный оттенок, в то время как русское «самочувствие» заведомо нейтрально. Другая составляющая этого термина прилагательное subjective в переводе на русский означает «субъективный, личный, индивидуальный», напоминая о психологическом происхождении термина. Действительно, разработка данного термина на западе в основном ведется психологами и социальными психологами, исследующими субъективное состояние общества и отдельных групп [19]. В качестве иллюстрации западного подхода к данной проблеме можно привести следующее определение: «социальное самочувствие индивида включает в себя то, как люди оценивают свою жизнь, а также их удовлетворенность жизнью, положением в семье, отсутствием депрессивных состояний и беспокойства, положительный настрой и эмоциональное состояние» [27].

Это определение, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует приведенным ранее характеристикам социальной напряженности, которая в целом трактуется как объективно существующее противоречие между потребностями индивида и групп и возможностями их удовлетворения, а также отражает субъективный, индивидуализированный характер потребностей и другие психологические детерминанты возникновения социальной напряженности.

Важным этапом в изучении феномена социального самочувствия в России стал выход в свет работы Ж. Тощенко и С. Харченко «Социальное настроение», посвященной понятию, комплементарному по отношению к «социальному самочувствию». В этой концепции самочувствие выступает в качестве базового элемента социального настроения и определяется как «потребность в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества, а также оценка уровня и степени благополучия непосредственно окружающей его микросреды» [23]. Понятие включает в себя «актуальное знание, эмоции, чувства, историческую память и общественное мнение» [23]. Подобной интерпретации сегодня придерживаются многие социологи, она важна еще и потому, что исследования социального самочувствия некоторыми социологическими организациями проводятся на основе индексов социального настроения (ИСН), поэтому стоит различать эти два понятия, учитывая при этом их взаимосвязь.

Под социальным настроением понимается «целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических,

политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или нереализуемых) в процессе практической деятельности» [23. С. 21]. По мнению Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко, социальное настроение зависит от психофизиологических элементов (состояния здоровья), складывается из непосредственного восприятия мира (эмоций и чувств), мировоззренческих компонентов (умонастроения, убеждений), личностных оценок социального опыта, социальных целей и интересов, а также духовных запросов и устремлений, проявляющихся в социальных ожиданиях и социальной позиции его субъектов.

Таким образом, можно выделить несколько подходов к определению социального самочувствия:

— социальное самочувствие — это удовлетворенность человека отдельными сторонами жизни, своеобразное отражение образа жизни;

— социальное самочувствие — это интегральная характеристика реализации жизненных стратегий личности, включая отношение к окружающей действительности, субъективные ее стороны;

— социальное самочувствие понимается как «синдром сознания, отражающий отношение к взаимосвязи между уровнем притязаний (в основном определяемой содержательными характеристиками жизненной стратегии) и степенью удовлетворения смысложизненных потребностей» [19].

Социальное самочувствие является интегральным показателем социальной напряженности и социального настроения (последнее более динамично) социальных групп. Эти категории взаимообусловлены, и в современной исследовательской практике, в частности на эмпирическом уровне, их индикаторы совпадают. Основные различия состоят во включении в анализ объективных социально-демографических и статистических данных при изучении социальной напряженности и в большем внимании к социально-психологическим и социологическим показателям при изучении социального самочувствия. Как было отмечено ранее, на эмпирическом уровне признаковое пространство социального самочувствия и социального настроения пересекаются по большинству признаков, различия четко прослеживаются по группе демографических показателей. Учитывая характер объектов исследования — возможных сегментов социального напряжения (индивидов, социальных групп и территориальных общностей), — необходимо отметить, что демографические показатели являются необходимой характеристикой социального напряжения в больших социальных группах, т.е. в основном относятся к третьему субъекту напряженности. Демографические показатели в исследовании социальной напряженности социальных групп соотносятся со спецификой каждой группы, при этом число таких показателей минимально.

Актуальность мониторинга социального самочувствия молодежи не вызывает сомнения. Исследование динамических характеристик социального самочувствия и настроения молодежи позволяет наиболее точно охарактеризовать особенности социальной напряженности, определить ее уровень. В российской социологической практике разработан разнообразный арсенал методических средств изучения этой проблемы. На основании проведенного анализа показателей социальной напряженности, настроения, социального самочувствия можно выде-

лить следующие критерии оценки социальной напряженности территориальных общностей и социальных групп (на основании классификационной структуры ценностей) [54; 14; 22]: состояние здоровья, финансовое благополучие, благополучие в личных (семейных) отношениях, занятость работой и перспективы трудоустройства, удовлетворенность работой, хорошее образование, хорошее жилье, безопасность личности, семьи и общества, наличие свободного времени и его проведение.

Операционализируя эти критерии, можно выделить следующие показатели социального самочувствия в соответствии с классификацией благ по сферам жизнедеятельности [8. С. 21—23]:

— сфера безопасности: оценка будущего страны; оценка собственного будущего; *уровень катастрофизма; уровень личностной тревожности;*

— сфера социальных отношений: оценка уровня стабильности в государстве и обществе, установка на реализацию социального капитала в своей стране (иммиграционные планы); установка на реализацию социального капитала в рамках места проживания: региональный, территориальный аспект (желание мигрировать); социальное настроение; удовлетворенность жизненной ситуацией; оценка социальной справедливости; наличие норм и ценностей, объединяющих людей;

— сфера национальных отношений: *уровень толерантности;* уверенность в предупреждении межнациональных конфликтов; знание государственного языка; возможность приобщаться к своей национальной культуре; оценка межэтнических отношений;

— социально-политическая сфера: соблюдение в стране прав человека; политические свободы (слова, совести, передвижения и т.д.); доверие к политическим лидерам; политические ориентации;

— профессионально-трудовая сфера: достаточность образовательного уровня (желание получить образование, в том числе за рубежом); оценка возможностей получения образования; удовлетворенность содержанием работы (наличие подходящей работы); оценка перспектив трудоустройства; оценка потенциала заработка;

— информационно-культурная сфера: достаточность информации об изменениях, происходящих в обществе; достаточность экономических знаний; достаточность политических знаний; достаточность научно-технических знаний;

— рекреационно-культурная сфера: возможность проведения полноценного досуга; возможность полноценного отдыха; состояние здоровья (субъективная оценка состояния здоровья, частота заболеваемости, наличие хронических заболеваний, частота обращений в медицинские учреждения, удовлетворенность деятельностью медицинских учреждений, оценка финансовых перспектив лечения в частных медицинских учреждениях (в том числе зарубежных));

— материально-бытовая сфера (1-го уровня): возможность приобретать необходимые продукты; необходимая одежда; хорошее жилье; необходимая мебель;

— материально-бытовая сфера (2-го уровня): возможность питаться в соответствии со своими вкусами; модная и красивая одежда; автомобиль; собственное жилье;

— сфера межличностных отношений: достаточность социально-психологической поддержки (доброты и сочувствия окружающих людей); наличие настоящих друзей; благополучие в семейной жизни; поддержка близкого человека;

— личностная сфера (качества личности): умение жить в новых общественных условиях; *стрессоустойчивость и уровень социальной адаптации*; уверенность в своих силах; решительность в достижении своих целей; инициатива и самостоятельность в решении житейских проблем.

Данная операциональная схема была апробирована в ходе социологического исследования «Социальное самочувствие студентов Российского университета дружбы народов» в 2006 г. ($N = 385$ человек). Методический анализ инструментария и результатов исследования позволяет заключить, что для повышения чувствительности шкал, адекватных предмету исследования свойств, а следовательно, получения более детальных репрезентативных данных и достоверных выводов необходимо расширить методический арсенал, введя в исследовательский инструментарий стандартизированные методики — тестовый компонент, тем самым соединить познавательные возможности анкетного опроса и многофакторного тестирования. В предложенной операциональной схеме можно обозначить следующие показатели, подлежащие измерению арсеналом тестовых процедур: уровень катастрофизма, уровень личностной тревожности, степень толерантности, тест степени стрессоустойчивости и уровня социальной адаптации.

Комплексное использование данных методик позволяет получить более точные и детальные данные о социальном самочувствии молодежи, обозначить уровень социальной напряженности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ахиезер А.С. Дезорганизация как категория общественной науки // *Общественные науки и современность*. — 1995. — № 6.
- [2] Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М., 2004.
- [3] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М., 2000.
- [4] Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. — М.: РОСПЭН, 2005.
- [5] Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994—1996—1998 гг.): «Мерцающая» стратификация // *Социологические исследования*. — 2001. — № 6.
- [6] Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // *THESIS*. — 1994. — № 5.
- [7] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М., 2004.
- [8] Головаха Е.И., Панина Н.В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. — Киев: ИС НАН Украины, 1997.
- [9] Горшков М.И. Российское общество в условиях трансформаций: мифы и реальность: 1992—2002. — М., 2003.
- [10] Григас Р. Контуры социологической концепции полей социальных напряженностей // *Социологические исследования*. — 2004. — № 4.
- [11] Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997—2002 годов. — М., 2004.
- [12] Гундаров И.А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // *Общественные науки и современность*. — 2001. — № 5.
- [13] Диагностика социальной напряженности в обществе: региональный аспект / Под ред. П.В. Акинина, С.В. Рязанцева. — Ставрополь: Сервис-школа, 2002.

- [14] *Зарубин В.Г.* Основы диагностики и эмпирического исследования социальной напряженности. — СПб.: Изд-во РПГУ им. А. Герцена, 2002.
- [15] *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. — М., 2004.
- [16] *Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г.* Экономический оптимизм / пессимизм в трансформационном обществе // Социологический журнал. — 1998. — № 1/2.
- [17] *Луман Н.* Общество как социальная система. — М., 2004.
- [18] *Луман Н.* Понятие риска // THESIS. — 1994. — № 5.
- [19] *Петрова Л.Е.* Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. — 2000. — № 12.
- [20] *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. — 1991. — № 6.
- [21] *Пригожин И., Стингерс И.* Порядок из хаоса. — М.: УРСС, 2003.
- [22] *Прилутская О.А.* Психологические аспекты деятельности органов регионального управления по снижению социального напряжения населения // www.orenburg.ru/cultur/credo/04/43.html
- [23] *Тощенко Ж.Т., Харченко С.В.* Социальное настроение. — М.: Academia, 1996.
- [24] *Чорнобай П.Д.* Социальная напряженность: опыт измерения // Социологические исследования. — 1992. — № 11.
- [25] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М., 1996.
- [26] *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. — М., 2005.
- [27] Ed Diener, Eunkook Suh, and Shigehiro Oishi Recent Findings on Subjective Well-Being // University of Illinois // <http://www.psych.uiuc.edu/~ediener/hottopic/paper1.html>

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF THE STUDY OF SOCIAL TENSION (the basis for the choice of techniques)

M.I. Vitkovskaya

Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The methodological foundation of the empirical sociological research of social tension implies the comprehensive systemwide analysis of the subject, the appropriate interpretation and operationalization of the concept of social tension, which offers an opportunity to define the system of its determinants as well as their empirical indicators.

The universal integral determinants — indicators of social tension — have not been elaborated by the contemporary sociological thought. The axis of the publication is an endeavour to work out the indicators involved.

Key words: social tension, operationalization, indicators, empirical sociological research, social well-being, disorganization, ambiguity, risk.